

Немного истории

Россия со времен Ивана Грозного – страна централизованная, не одной только властью, но и всей жизнью. Утверждение абсолютного всевластия свойственно всем средневековым монархам так же, как и желание сокрушить соперников – удельных князьков. Процесс этот, при формировании государственности естественен. Однако в Западной Европе установился определенный баланс, монархам не удалось, как им бы хотелось, подмять под себя интересы всех сословий. Знать сохранила за собой и земли, и привилегии, и определенную власть. А вот российским царям «повезло» больше. После того, как Иван Грозный спалил Новгород, перебил, утопил в реке, сжег на кострах большинство его населения, термин «провинция» в России стал означать захолустье. С богатствами Санкт-Петербурга и отчасти Москвы, с их дворцами, оранжереями, роскошными ресторанами соседствовали губернские города, уездные городишки и просто деревеньки, где люди продолжали жить так, как жили их предки и прапрапредки.

В XVIII–XIX веках с развитием промышленности в западном мире в местностях, прилегающих к месторождениям полезных ископаемых и источникам энергии, стали формироваться промышленные центры, возникали и росли новые городские поселения. И как следствие, туда пришло процветание, богатство, лоск. Такой же процесс, но с опозданием на век-полтора, начался и в России, Донбасс двадцатого века мало отличался от Рура и Кардиффа девятнадцатого.

После революции, выстраивания сталинской, доведенной до абсурда, централизованной экономики, пропасть между Москвой-столицей и провинциями-регионами еще более

углубилась, стала почти бездонной. Политическая, идеологическая и экономическая власть полностью сосредоточились в Москве. В Европе, и особенно в США, различие между центром и провинцией стиралось, уровень жизни выравнивался, возрастала престижность корпоративных центров, человек чувствовал себя одинаково комфортно (или дискомфортно) в центре и на периферии, покупал одинаковые товары, жил в мало различающихся домах, не говоря уже о работе. А в России, в Советском Союзе, отъехав от столицы на пару сотен километров, человек попадал в иной мир. Все там иное: жилье, даже «высшей категории», не сравнимо со столичным, товары в магазинах – тоже, о дорогах и говорить не приходится. Правда, работу можно получить интереснее московской.

В России все всегда стремились в центр, а перевод на работу из столицы – что в Сибирь, что в Торжок – приравнивался к ссылке. С началом реформы и ликвидацией министерских постов многим из столичных министров предстояло разъехаться по совнархозам. Такая перспектива не улыбалась не только им самим, но и их семьям. У министров к «заботе о государстве» добавлялась и озабоченность собственной судьбой. Вот и получалось, что затеявая «совнархозолизацию» всей страны отец, вольно или невольно, замахивался не просто на министерскую вертикаль «управления экономикой, промышленностью и строительством», как он писал в своих тезисах, но и на весь бюрократический уклад российский жизни, на вековые традиции российских служилых людей.

Неудивительно, что, казалось бы, частная задача видоизменения структуры управления хозяйствующими субъектами натолкнулась на столь яростное сопротивление чиновников.